

ОККУПАЦИЯ ПРОТИВ КОЛОНИЗАЦИИ: КАК ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ ПОМОГАЕТ ПРОВИНЦИАЛИЗИРОВАТЬ ЕВРОПУ¹

К.М.Ф. Платт

Университет Пенсильвании (Филадельфия, США)

Аннотация: В статье исследуются проблемы геополитического сознания в постсоветской Европе на материале межэтнических отношений и культуры памятников в современной Латвии. Автор полагает необходимым пересмотреть универсалистские категории европейской истории, демонстрируя на примере Латвии, что дебаты о применимости терминов «оккупация» или «колонизация» к советскому периоду прибалтийской истории превращаются в политический спор о принадлежности этого региона к «европейской цивилизации».

Ключевые слова: империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.

Конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов. В конце концов, можно не любить российское государство в его отдельные исторические периоды, но нельзя не любить или, по крайней мере, не уважать достижения русской культуры и намеренно скрывать их!

Андрей Фомин.

«Какую историю будут знать наши дети?»²

¹Более ранние версии этой статьи были представлены в качестве докладов на конференциях «Занимательная история понятий, или Языки описания будущего» («Малые Банные чтения», Санкт-Петербург, 27-28 ноября 2009 года) и «Внутренняя колонизация России» (Пассау, 23-25 марта 2010 года). Благодарю организаторов и участников этих конференций, в особенности Илью Калинина, Сергея Ушакина, Александра Эткинда и Дирка Уффельманна, а также Илью Веницкого, Карину Сотник, Марину Герман и Ольгу Серебряную за их помощь и комментарии. В другом варианте эта статья была опубликована раньше как: Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии. — *Неприкосновенный запас*. 2010. №71. С. 49-62, а также в сборнике: *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей* / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 131-152.

²Фомин 2008: 62. «Балтийский мир» представляет собой глянцево издание, посвященное жизни русскоязычного населения в Прибалтике. Журнал финансируется Российской Федерацией, однако почти все авторы и редакторы — русскоязычные жители государств Балтии.

Получать (дар), не возвращая или не возвращая больше, — значит подчиняться, становиться клиентом и слугой, становиться меньше и ниже.

Марсель Мосс. «Очерк о даре»³

Колониальная память в межимперской зоне

В сентябре 2008 года мы с латышским коллегой поздно вечером гуляли по центру Риги. Это был конец дня, который мы провели на конференции по региональной истории, памяти и политике. Мы обсуждали тонкости предмета, а в это время проходили мимо красивого здания в стиле латышского национального романтизма. Говорили мы по-английски. Коллега сообщил мне, что в последние годы это здание стало предметом бурных дебатов: оно было построено богатым меценатом незадолго до революции как здание латышской школы. Однако после революции школа была превращена в русскую. Пока он все это рассказывал, мы стояли на углу, и к нам подошел какой-то человек, который начал с жаром объяснять мне тоже на английском языке — очевидно, сообразив, что я иностранец, — что эта школа никогда не была латышской, а, наоборот, всегда была русской и что это очень известная русская школа, прославленная своими знаменитыми выпускниками. Я перешел на русский и сказал, что история школы мне в общем известна. Я даже объяснил, чтобы хоть как-то развеять напряженность, что в эту школу ходила моя жена. Русский посмотрел на меня и спросил: «В каком году она окончила?», а потом переспросил: «Кевин?» Выясняется, что это школьный приятель моей жены и что мы с ним лет десять назад пили пиво. В итоге этот неожиданный приятель пошел провожать меня домой, и по дороге мы решили позвонить другому нашему общему другу, который сейчас живет в Москве, потому что у него был день рождения. Дозвонившись, мы объяснили ему, при каких странных обстоятельствах мы встретились. Выслушав, он засмеялся, а потом сказал: «Знаешь, мне кажется, это была сначала еврейская школа».

Этот анекдот показывает, насколько сложны вопросы истории сегодня в странах Восточной Европы, где в течение последних ста лет много раз менялись и политические границы, и «режимы памяти». Обратите внимание: вопросы местной истории в этих странах не только являются предметом споров; они являются предметом дискуссий в узко локализованном контексте, на фоне близких, едва ли не интимных связей между людьми и культурами.

Такая ситуация поднимает целый ряд вопросов. Кажется, что разные этнические группы нынешнего латвийского общества живут в разных исторических измерениях. Как можно понять взаимоотношения между их разными историческими нарративами? Какие последствия для общественной солидарности имеют такие расхождения в историческом менталитете? На более широком уровне — что означает это локальное отсутствие исторического согласия в международном контексте? Напомню, что значительные разногласия в «официальных» версиях истории XX века регулярно становятся источником дипломатического напряжения между властями РФ и стран Балтии.

Я вернусь к этим вопросам ниже. Сначала давайте обратим внимание на теоретические предпосылки исследования разных версий восточноевропейской истории. Десять лет тому назад Дипеш Чакрабартти сформулировал то, что он охарактеризовал как актуальный и необходимый, но пока не заверченный теоретический шаг за пределы марксистских и антиимпериалистических позиций, на которых базировалась исследования в области «subaltern studies» (феминистские и постколониальные) в период «бури и натиска» 1960-1980-х годов. Как известно, работа Чакрабартти, посвященная проблемам британской колонизации Индии и других схожих имперских сюжетов, позволила выработать один из самых влиятельных теоретических инструментов для анализа постколониализма. Свой новый проект Чакрабартти опреде-

³Мосс 1996: 213.

лил как «провинциализацию Европы». Под этим термином он подразумевал реинтерпретацию базовых категорий европейской истории и современности, связанных с универсальными правами человека, формами общественности, либеральными экономическими режимами, и даже фундаментальных категорий самой историографии, таких как современность, капитал и так далее. Он предлагал заново понять эти категории не как универсальные модели исторического развития человечества, а как эффекты специфических исторических траекторий:

Провинциализировать Европу — это понять, как и в каком смысле европейские идеи, представляющие как универсальные, на самом деле исходили из специфических интеллектуальных и исторических традиций, которые не могут претендовать на универсальную значимость. Таким образом, мы задаем вопрос о том, как мысль относится к месту [Chakrabarty 2008: XIII].

Целью этого проекта для Чакрабарти стала не релятивизация мировой истории, предполагающая, что национальные историографии других частей земного шара могут соперничать с европейской историей, но теоретическое отделение базовых терминов исторического описания от самой европейской истории. Таким образом, он надеялся открыть новое пространство для теоретического маневра среди разнородных версий исторического опыта. Чакрабарти приглашает нас представить себе универсальную историю (возможно, не вполне подвергающуюся окончательному определению), которая находится вне Европы и в рамках которой сама история Европы становится конкретной и специфической, а не универсальной⁴.

Работа Чакрабарти является скорее призывом, чем законченным проектом. Теоретик рассматривает разные категории анализа, но в основном он занимается ими в рамках своего собственного научного и географического поля — постколониальной Индии. В то же время он замечает, что, «наверное, можно было бы провинциализировать Европу с точки зрения многих отдельных территорий, получая совсем иные результаты» [Chakrabarty 2008: XVIII]. В настоящей статье, исходя из одной из таких «отдельных территорий», я хотел бы внести свой вклад в проект Чакрабарти. Я предлагаю произвести «провинциализацию» тех самых историографических понятий, которые сделали возможной критику тотальных категорий европейской современности, — терминов «колониализм» и «постколониализм».

Постколониальная теория часто является европоцентристским проектом. Поэтому можно и нужно искать новое пространство для маневра внутри самой концепции постколониальности. Географическая точка зрения, с которой я собираюсь провести эту теоретическую процедуру, находится на пересечении европейского колониализма с его восточным соперником, русским колониализмом. Она находится в Восточной Европе, еще точнее, в Латвии. Я хотел бы продолжить дискуссию о применимости терминов постколониальной теории к ситуации постсоветского и постсоциалистического пространства. Эта дискуссия представлена в ряде статей, появившихся в течение последнего десятилетия [Moore 2001; Spivak 2003; Chernetsky 2003; Spivak, Condee, Ram, Chernetsky 2006; Otoi 2003; Carey 2004; Popescu 2003; Adams 2005; Keleestas 2006; Hagen 2004; Chari 2009; Тимофеев 2008]. Анализ истории «меж-имперского пространства» приведет нас к пониманию некоторых тонкостей главного понятия этого сборника⁵ — «внутренняя колонизация». Однако, как я полагаю, в результате мы откроем не принципиальную разницу между российской моделью колонизации и европейской, а, наоборот, их глубокую историческую общность и, может быть, удивительную применимость концепции внутренней колонизации к общеевропейской ситуации.

⁴Проект Чакрабарти имеет много общего с позицией Фуко относительно европейского Просвещения, которое он предлагает воспринимать не как закрытую систему институтов и ценностей, а, наоборот, как неистощимый импульс к рефлексии и критике любых систем, институтов, ценностей и даже самого понятия человека. См.: Фуко 2002: 335-360.

⁵Имеется в виду сборник: *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей* / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — Примеч. ред. журнала «Политическая концептология».

Хотя эта статья основана на этнографическом проекте, которым я занимаюсь в недавние годы в Латвии, по своей задаче она является скорее теоретическим эссе, чем анализом полевых данных. Тем не менее стоит начать с некоторых цифр, необходимых для того, чтобы дать общее понимание исторических и общественных условий. Среди постсоветских государств в Латвии (конечно, после России) русские и русскоязычные группы составляют наиболее значительную часть населения. В Латвии этнические русские составляют 28,5 %, а русскоязычные группы (сюда относятся белорусы, украинцы, евреи и другие народности бывшего СССР) добавляют к этой цифре еще около 10 %. В Риге русские и русскоязычные составляют более 50 % жителей. В итоге Латвия представляет собой один из наиболее ярких случаев социальных проблем, по-разному и в разной степени проявляющихся по всей Прибалтике, в Восточной Европе и в Средней Азии⁶.

Появление русских и русскоязычных сообществ в этом регионе является результатом самых разных исторических обстоятельств: к ним относятся религиозные меньшинства, вынужденные бежать из России еще в XVII веке: семьи, переселившиеся в Ригу до или после Октябрьской революции; еврейские семьи, издавна живущие в Прибалтике и с определенного времени считающие своим родным языком русский. Однако в общественном сознании все это разнообразие полностью замещают собой русские и русскоговорящие, переселившиеся в Ригу во второй половине XX века в соответствии с социальной и этнокультурной «инженерией» советского государства.

В современной Латвии присоединение этой страны к СССР в 1940 году обычно считается военным захватом. Соответственно, латышское население чаще всего воспринимает русских и русскоязычных как оккупантов (или их потомков) и относится к их присутствию в стране с негодованием⁷. Некоторые русские и русскоязычные жители Латвии вполне разделяют такой взгляд на историю, что не мешает им рассматривать себя как жертв ее объективных сил. В публичном пространстве присутствует и другая точка зрения, распространенная в особенности среди тех, чьи семьи оказались в Латвии в связи с военной службой или были переселены туда для ведения восстановительных работ после войны. Эти группы считают себя патриотами Советской Латвии и полагают, что в постсоветское время подвергаются несправедливым гонениям. Есть группы, воспринимающие само присоединение Латвии к СССР как интеграцию в целях защиты от агрессии нацистской Германии, то есть в рамках более ранней, еще советской концепции региональной истории.

История одного памятника

Теперь, чтобы несколько «оживить» свои теоретические размышления, я хочу обратить внимание на случай, касающийся одного из моих информантов. В 1998 году Евгений Гомберг, живущий в Латвии бизнесмен, профинансировал восстановление памятника Петру I, который стоял до революции на центральной площади Риги. В истории этого памятника удивительным образом отражены все перевороты, которые Прибалтике довелось пережить в XX веке. Памятник был воздвигнут в 1910 году на частные пожертвования жителей Риги и окрестных районов (русских, латышей, остзейских немцев и др.), его автором был выбран по конкурсу профессор Берлинской академии архитектуры Густав Шмидт-Кассель. Открытие памятника было приурочено к 200-летию со дня вступления в Ригу войск под командованием

⁶Подробнее об этнической политике постсоветской Латвии см.: Laitin 1998; Bernier 2001; Kronenfeld 2004; Kronenfeld 2005.

⁷В связи с распространенным применением термина «оккупант» («okupants») по отношению к русскоязычным жителям Латвии показательным, что президент Латвии Валдис Затлерс считал нужным в 2009 году публично призвать латышей отказаться от подобного, на взгляд многих местных русских оскорбительного, словоупотребления. Хотя этот призыв не привел к тем результатам, на которые надеялся президент, он спровоцировал широкие дискуссии о значении самого термина. См.: Papildinata... 2009.

Петра (1710) и превратилось в помпезные трехдневные торжества: в Ригу специально для участия в них приезжал Николай II. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, памятник сняли с пьедестала и отправили на хранение в Санкт-Петербург. Но до столицы империи он так и не доехал: корабль «Сербино», на котором его перевозили, был обстрелян германским эсминцем и затонул. В 1934 году его достали со дна эстонские водолазы-спасатели, после чего памятник был выкуплен у Эстонии рижской городской управой (в мотивировке решения было сказано: «принимая во внимание историческую ценность вышеупомянутого памятника») и возвращен в Латвию. Но там, в период первой независимости, на месте памятника Петру возвели монумент Свободе. Петровскому же монументу было суждено десятилетиями, во время войны и все годы существования Советской Латвии, в разобранном виде пылиться в различных запасниках — сначала в Крестовой галерее Домского собора, а после завершения Второй мировой войны — на складе Управления благоустройства Риги. В 1977 году Рижский горисполком предложил восстановить памятник к 1990-му, но в эпоху перестройки эта идея заглохла. Однако в то время бывший советский офицер Станислав Разумовский собрал скульптуру из тех частей, на которые ее распилили эстонские водолазы, и самостоятельно отлил недостающую деталь. В собранном виде металлический Петр был отправлен на склад одной из латвийских военных частей (впрочем, голова Петра, которую Разумовский считал особо ценной, была передана на хранение в российское посольство и прикреплена к скульптуре позже).

В преддверии нового тысячелетия появляется Гомберг и решает восстановить монумент. Гомберг делает публичное заявление о том, что ему хотелось бы преподнести подарок родному городу. Однако после долгих пререканий, споров и протестов со стороны латышских политиков, утверждающих, что не следует ставить памятник иностранному завоевателю в столице независимой Латвии и что десятки тысяч людей погибли во время петровской осады Риги, город подарок не принимает. Депутат рижской Думы Янис Фрейманис выразил свое мнение относительно фигуры первого русского императора крайне эмоционально: «Он палач, палач!» [Ватолин 2003]. В июле 2001 года памятник простоял три дня на лужайке в Кронвальдском парке, после чего рижская городская Дума сочла его установку незаконной и оштрафовала Гомберга за административное правонарушение. С тех пор и по сей день монумент возвышается над автостоянкой перед зданием офиса Гомберга⁸.

Гомберг — гражданин Латвии еврейского происхождения. Его родной язык — русский. Он владеет латышским, но «недостаточно хорошо, чтобы посещать театр», как он объяснил мне в интервью три года назад. Что же значит для такого русскоязычного человека, как Гомберг, фигура Петра Великого и история русских в Прибалтике? И что она значит для этнических латышей, а также для немалого количества этнических русских, живущих в современной Латвии? Благодаря каким траекториям истории латвийский еврей решает увековечить память о российском императоре?

Чтобы дать ответы на эти вопросы, давайте сначала посмотрим на этот несостоявшийся подарок с точки зрения латышской (в большинстве своем) администрации Риги (с тех пор как я исследовал всю историю с памятником, на муниципальных выборах эта администрация была сменена — кстати, рижане тогда же избрали мэром русского по происхождению Нила Ушакова, но это — отдельная история). В постсоветский период стандартная латышская версия истории носила националистический характер. Она рассказывала о завоевании маленькой страны большим враждебным государством, которое чаще всего определялось через этнические признаки, то есть как *русское* государство⁹. Как и в других прибалтийских и вос-

⁸История памятника Петру изложена в кн.: Гапоненко 2010: 337-339.

⁹См., например, реферат историка Инесиса Фелдманиса «Оккупация Латвии: исторические и международно-правовые аспекты» на официальном сайте МИД Латвии, в разделе «Информация об истории Латвии» [см.: Feldmanis 2011]. Автор допускает заметное скольжение между политическими и этно-националистическими терминами — «Советский Союз» превращается в «русских»: «Неточно было бы сказать, что секретный прото-

точноевропейских странах, со времен распада СССР немало трудов было вложено в увековечивание трагических событий советской эпохи. Они отражены, например, в рижском Музее оккупации (в здании бывшего Музея революции), в разных памятниках латышам, сосланным в Сибирь, и так далее.

Поэтому на первый взгляд идея поставить на постамент в Риге фигуру русского царя, который впервые завоевал для России этот регион, была обречена на провал. Конечно, можно отметить, что советский период представляет собой совсем другую эпоху, что Петр воевал вообще со шведами, а не с латышами, если даже можно применять такие этнические термины по отношению к раннему XVIII веку, задолго до эпохи латышского национального пробуждения. Можно спорить и о численности «протолатышей», которые погибли в осаде ганзейского города Риги. Но все это, конечно, несущественно. С националистической точки зрения, советские и русские, цари и комиссары — одно и то же. Поэтому отказ от «подарка» Гомберга — естественный патриотический жест.

Как же выглядит ситуация с точки зрения Гомберга? Что значит этот непринятый подарок для него самого? Когда я ему задал эти вопросы, я ожидал услышать от него рассуждения о политическом и социальном значении Российской империи в истории Латвии. Но он ответил по-другому; он сказал, что это «произведение искусства», имеющее большое значение для истории Риги. Он хотел вернуть этот важный фрагмент культурного наследия городу. Его предложение состояло в том, чтобы поставить памятник в Кронвальдском парке, который проектировал для города сам Петр: это должно было стать памятью о всех благах, которые имперский период принес городу. Но, как уже сказано, в парке памятник простоял три дня.

Здесь следует отметить, что памятник Петру — лишь один из нескольких проектов «сохранения культурного наследия», которыми занимался Гомберг. Другим таким проектом было создание нового памятника Джорджу Армистеду, англичанину на службе русского императора. Он был последним назначенным мэром Риги — с 1901 по 1912 год. Еще один проект — воссоздание утерянного дореволюционного памятника российскому военачальнику М.Б. Барклаю-де-Толли, который имел шотландские корни и владел землями в Ливонии. Эти проекты оказались более успешными — город принял подарки бизнесмена, и сейчас эти памятники стоят в общественных местах¹⁰.

Интересно отметить, что каждая из имперских фигур, которую Гомберг увековечивал в бронзе, является в каком-то смысле гибридной, восточно-западной. Но Гомберг сам об этом не говорит. В беседах со мной он неизменно подчеркивал *культурное* содержание своей деятельности. Важнее всего для него были художественная ценность и высокие технические требования к созданию бронзовой скульптуры.

Поначалу я был склонен считать ответ Гомберга сознательным увиливанием: конечно же, смысл каждого из восстановленных им памятников — прежде всего *политический* и связан с изображаемой личностью. У меня была целая подшивка газет, в которых в разном клю-

кол [приложение к пакту Молотова-Риббентропа. — *К.П.*] изменил статус Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы, согласно международному праву (эти страны вошли в советскую сферу влияния с сентября 1939 года). Однако определение этой сферы влияния иллюстрировало неуважение к национальному суверенитету этих стран и поставило их независимость под сомнение. Советский Союз получил от Германии свободу действий в будущих „территориальных и политических перестановках“ советской сферы влияния. 23 августа обе агрессивные державы решили, что „сфера интересов“ означает право занимать и аннексировать территории. Советский Союз и Германия разделили их сферы влияния на бумаге, чтобы „это разделение могло стать действительностью“. Ссылаясь постоянно на [довольно двусмысленную] концепцию решения как польской, так и прибалтийской „проблемы“, немцы и русские дали понять, что они имели в виду. Нет ни каких сомнений, что без пакта Молотова-Риббентропа полная оккупация стран Балтии не стала бы возможной спустя десять месяцев». Интересно заметить, что в английском переводе этого документа это терминологическое скольжение удалено. Кроме того, весь сайт предлагается на трех языках, однако русский перевод данного документа отсутствует: Feldmanis 2011. Здесь и далее, если иное не оговорено, перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

¹⁰О принятии рижской Думой постановления о восстановлении памятника Барклаю-де-Толли см.: Ватлин 2002; о памятнике Армистеду см.: Gombergs... 2005.

че обсуждался памятник Петру, и я мог видеть, что политический регистр был главным в его интерпретации как для русскоязычного, так и для латышскоязычного общества¹¹. Я подумал, что Гомберг устал от этих споров и специально скрывает свои намерения, обходя вопросы об историческом значении первого российского императора для латвийской национальной истории. Но чем больше я размышлял над этим вопросом, тем больше осознавал это несоответствие в оценке значения памятника как симптом более общих смешений понятий в разных регистрах общественного дискурса об истории и как иллюстрацию того, что подарок Гомберга угрожает стандартной националистической истории не на политическом, а на более глубоком уровне.

Оккупация vs. колонизация

Чтобы лучше понять, что именно происходит, нужно рассмотреть различие между двумя терминами, которые появляются в этих дискуссиях на главных ролях: «оккупация» и «колонизация». Оба термина описывают ситуацию, где чужая власть силой держит определенную территорию под контролем, исходя из стратегических, экономических или других причин. Но оккупация кардинально отличается от колонизации тем, какие последствия она приносит для данного населения. Возьмем, к примеру, определения этих терминов в словаре Ожегова:

КОЛОНИЯ: 1. Страна, лишенная самостоятельности, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии). 2. Поселение, состоящее из выходцев из другой страны, области. Иноземные колонии в царской России. 3. Сообщество, совокупность людей какой-н.[ибудь] страны, земляков, живущих в чужом городе, в чужой стране. 4. Общежитие лиц, поселенных или поселившихся для совместной жизни с той или иной целью <...> К.[олония]-поселение (исправительно-трудовое учреждение с облегченным режимом). 5. Группа организмов, а также временное совместное поселение птиц (спец.[иальный термин]). <...> Прил.[агательное] — колониальный. К. режим. Распад колониальной системы. Колониальные товары (из колоний: чай, кофе, пряности и др.; устар.[евшее]). Колониальные организмы (водные).

ОККУПАЦИЯ: 1. Временное отторжение, захват чужой территории военной силой. 2. Период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории (разг. [оворный язык]). Во время оккупации. Остаться жить в оккупации. Прил.[агательное] — оккупационный. Оккупационные войска. О. режим.

Оккупированная страна переносит травму, унижение, насилие, но термин этот все-таки предусматривает существенную историческую непрерывность в идентичности. Оккупант пришел, повластвовал и ушел, но при этом оставил сущность общества или нации без перемен. Колонизация, наоборот, действует иначе. Колониализм или уничтожает первоначальное население, или интегрирует его в экономические, общественные и политические отношения с метрополией, что оставляет глубокий след на самом глубоком уровне идентичности. Чаще всего эта существенная трансформация населения представлена в ключе модернизации. Традиционно колонизатор легитимирует свое господство через дар прогресса — материального, общественного и культурного. Итак, в этих двух терминах мы сталкиваемся с двумя весьма разными макроисторическими хронотопами.

Оставим вопрос о том, чем являлось советское управление Латвией — оккупацией или колонизацией. Продуктивнее будет рассмотреть функцию этих понятий в более широких теоретических и дискурсивных контекстах истории советского и постсоветского периодов в

¹¹О многочисленных политических и политизированных дебатах и интригах вокруг восстановления памятника см., например: Шунин 2001; Knavis 2003; анализ сообщений на эту же тему в иностранных СМИ см.: Murphy 2004.

Прибалтике. В своем влиятельном теоретическом труде о деколонизации Африки «Проклятым заклеянные» Франц Фанон писал:

Колонизатор делает историю, и он это знает. Из-за того, что он постоянно ссылается на историю своей метрополии, он явно свидетельствует о том, что он — представитель этой метрополии. Поэтому история, которую он пишет, является не историей той страны, которую он захватывает, но историей ограбления, изнасилования и уничтожения голодом, причиняемых [колонию] его страной. Устойчивость колониального субъекта можно подвергать сомнению только в том случае, если он решает положить конец истории колонизации и ограбления, чтобы призвать к жизни историю нации, историю деколонизации [Fanon 1976: 18].

Ранаджит Гуха и Гайатри Спивак, в продолжение традиции, восходящей к этой мысли Фанона, определяют ключевую проблему политического и субъективного состояния постколониализма (на «классических» примерах Индии и колониальной Африки) как дилемму причастности к истории. Можно схематически определить эту дилемму следующим образом. С одной стороны, если усердно стараться превратить освободившуюся колонию в современное общество, то может показаться, что ты волей-неволей просто продолжаешь работу колонизатора, подчиняя колонию западным нормам истории, экономики и политического строя [См. об этом: Said 1978: 24-25; Spivak 1988: 271-313; Spivak 2004: 523-581]. С другой стороны, часто бывает довольно сложно найти более «аутентичный» местный исторический путь. Классические постколониальные общества должны ответить на вопрос: что такое самобытная общественная и политическая традиция и как вернуться к ней, когда даже история бывшей колонии написана колонизатором [Guha 1997]? Как нам показывает история второй половины XX века, поиски такой традиции часто приводят не к самым лучшим результатам. Вспомним, к примеру, угандийский диктаторский режим Иди Амина, который, между прочим, носил титул «победителя Британской империи»¹².

В постсоветском политическом дискурсе в Латвии (и в других схожих случаях Прибалтики и Восточной Европы) проблемы «поиска аутентичной традиции» представляются в ином свете — из-за того, что националистическое видение истории воспринимает советский период не как колонизацию, но скорее как оккупацию. Соответственно, в таких регионах освобождение определяется как «возвращение в Европу». Возьмем, например, объяснение латвийской истории XX века из введения, предпосланного каталогу Музея оккупации в Риге:

Пятьдесят один год оккупации оставил глубокий след на Латвии. Около трети населения было сослано или погибло в результате политических убийств, геноцида, военных действий и нечеловеческих условий в ГУЛАГе или же стало беженцами в конце Второй мировой войны, чтобы спастись от возвращающегося советского режима. На их место были привезены поселенцы из других регионов Советского Союза. Они не говорили по-латышски и были чужды латышской культуре и традициям. С самого начала обе оккупирующие власти старались лишить латышскую нацию национальной гордости и скрывать, фальсифицировать или исказить историю Латвии и историческую связь Латвии с Европой. Латвию отчуждали от гуманистических корней западной культуры. После окончания войны политическая, экономическая и общественная жизнь западного мира процветала. Но в это время в Латвии весь прогресс был приостановлен.

¹²О политической культуре в постколониальную эпоху в Уганде см.: Karlstro 1996: 485-505. Иди Амин Дада (1925, 1928 или 1930-2003) правил в Уганде с 1971 по 1979 год. Согласно подсчетам, сделанным после свержения Амина, осуществленного войсками соседней Танзании, жертвами его репрессий стали от 300 000 до 500 000 (из 19 000 000 на тот момент) граждан Уганды, причем не менее двух тысяч он убил лично. Полный титул Амина на посту президента звучал следующим образом: «Его Превосходительство Пожизненный Президент, Фельдмаршал Аль-Хаджи Доктор Иди Амин, Повелитель всех зверей на земле и рыб в море, Победитель Британской империи в Африке вообще и в Уганде в частности, кавалер орденов „Крест Виктории“, „Военный крест“ и „За боевые заслуги“». После свержения жил в эмиграции в Саудовской Аравии, где и умер. О жизни и режиме Амина см.: Kwame Anthony Appiah, Henry Louis Gates 2005: I: 188.

Западный мир забыл про Латвию. Границы прибалтийских стран исчезли с карт [Lazda 2008: 11-13].

В основе принятой в Латвии концепции истории лежит представление о юридической правопреемственности между нынешней Латвийской Республикой и довоенным независимым государством. В редких случаях применения термина «колонизация» к латышской ситуации (в основном в научных кругах) он носит специальное значение, описывающее очень специфическую идею «советской империи», где «все» шло по «лживому историческому пути». Это была колонизация не со стороны «первого мира», который может действительно приносить дары (пусть и сомнительные) современного развития. Это была неудачная попытка колонизации, предпринятая «вторым миром», который нарядил латвийское общество в свои извращенные общественные институты, которые теперь нужно снять, как тюремную робу. В отличие от «классического» постколониализма Индии или Берега Слоновой Кости, страны Восточной Европы не испытывают сложности в восстановлении некоей прежней идентичности одновременно с дальнейшей общественной модернизацией, ибо эти два проекта предстают изоморфными друг другу.

Поэтому ясно, что подарок Гомберга и его акцент на «культурном» значении памятника угрожает основным понятийным предпосылкам новой латвийской истории на довольно глубоком уровне. В разгар политических дебатов об общественных проектах Гомберга один депутат рижской Думы заявил, что бизнесмен, «восстанавливая империалистические русские памятники, таким образом проводит империалистическую политику в независимой Латвии» [Филатов 2001]. Наверняка автор этих слов не стал бы называть эту политику выражением «колонизации», предпочитая термин «оккупация». Однако проекты Гомберга актуализируют и возобновляют альтернативную историю территории, согласно которой Латвия являлась именно *колонией* Российской империи, а потом и Советского Союза в более классическом смысле: она получила «дар модерности» и «дар мировой культуры» не благодаря причастности к общеевропейской истории, а от рук завоевателя.

Эта альтернативная трактовка истории играет заметную роль в конструкции идентичности русских и русскоязычных, которые часто объясняют и оправдывают свое присутствие в Прибалтике указанием на созидательную работу своих предков, участвовавших в формировании промышленности, экономики и даже культуры в «завоеванных» странах. В беседах на тему обязательного образования на латышском языке представители русского и русскоязычного населения часто возражают против этого, мотивируя свою позицию тем, что латышская культура ничтожна по сравнению с русской, которая имеет «общепризнанное мировое значение». Заметим, что этим они фактически воспроизводят дискурс «российской цивилизованности», который постоянно использовался для легитимации господства Российской империи и (в завуалированной форме) Советского Союза не только в Восточной Европе, но и в Средней Азии и на Дальнем Востоке. И, конечно, этот механизм представляет собой не специфическое русское изобретение, а общее явление европейского имперского дискурса; вспомним формулировку Монтеスキё о «цивилизационной миссии» имперской власти («la mission civilisatrice») [См.: Grant 2009].

Русское и советское господство в Прибалтике легитимировало себя если не в этих терминах, то в этой «системе координат». Понятно, что сегодняшнее местное русскоязычное население склонно продолжать эту традицию. Единственная альтернатива — смириться с ролью оккупанта, который ничего не принес местным жителям, кроме насилия и унижения. Конечно, русское население тоже не применяет термины «колония» и «колонизатор», которые в советском политическом дискурсе носили отрицательное значение. Оно либо отдает предпочтение общим местам о «дружбе», якобы связывавшей все национальности в составе «новой исторической общности — советского народа», либо затрудняется вообще определить статус русских переселенцев в Латвии. Последняя защита русских в Латвии против обвинений в со-

участии в преступной советской оккупации — это представление о том, что *все* советские люди были угнетаемы властью вне зависимости от этнической или культурной принадлежности. При такой инверсии «дружбы народов» создается картина общей жертвенности русских и латышей, при которой трудно обвинить один народ в преступлениях против другого.

Тем не менее нужно заметить, что все эти версии истории региона — латвийские и русскоязычные — имеют некоторое историческое основание и что обе стороны этого спора на самом деле игнорируют важные нюансы, определяя свою позицию. Напомним широко цитируемую фразу Эрнста Ренана: «...сущность нации состоит в том, что все индивиды, ее составляющие, имеют много общего, но забыли многое, что их разъединяет» [Renan 1947-1961: I: 887-906]. Латвийская ситуация интересна тем, что группы населения, проживающие бок о бок в одном и том же пространстве — так же как и мой латышский коллега и русский приятель в тот памятный вечер в Риге, — обязаны забывать и помнить *разные* вещи, чтобы поддерживать основы своих идентичностей.

В современной Латвии при близком общении между членами разных этнических сообществ сталкиваются совершенно несовместимые представления об историческом процессе и его следах в политической географии. Как писал Эрнст Блох, «не все люди существуют в одном и том же Теперь» [Bloch 1977: 104]. Мы можем добавить, что в результате этой «неодновременности» они часто видят пространство в противоположных терминах — то, что для одного представляет собой бывшую колонию, может другому видеться освобожденной нацией.

Еще один важный контекст, который нужно принять во внимание, чтобы до конца понять значение несостоявшегося подарка Гомберга, — это Западная Европа. В «старой» Европе часто встречается версия истории Латвии и других постсоциалистических стран, написанная в терминах колонизации. Это происходит в связи с настойчивым подозрением западноевропейцев в том, что «новая Европа» на самом деле является менее «европейской», чем ей надлежит быть, или что страны региона, являясь изначально европейскими, затем «испортились» под влиянием «Востока» (случай Восточной Германии), или даже что они никогда и не были собственно европейскими (случаи Болгарии, Румынии или Латвии)¹³.

Европейская тенденция ориентализировать бывшие социалистические страны является большим вопросом для интеллектуалов «новой Европы» вроде Юрия Андруховича, который выразил всю мучительность этой темы в своей нашумевшей речи «Европа — мой невроз», произнесенной по случаю присуждения ему приза Лейпцигской книжной ярмарки 2006 года, или Милана Кундеры¹⁴. Среди менее элитарных групп параллельно существует подозрение, что отношение «новой Европы» к «старой» можно охарактеризовать как простую эксплуатацию. Таким образом, латышская версия истории «оккупации» испытывает давление с двух сторон: и со стороны русских и русскоязычных вроде Гомберга, не говоря уже об обличающих голосах из Российской Федерации, и со стороны Западной Европы.

Европа как провинция

¹³Об «ориентализации» Восточной Европы см.: Вульф 2003. О Балканах: Todorova 1997.

¹⁴Давнее стремление Кундеры отделить в глазах западных читателей Прагу от Москвы хорошо известно, так же как и сложность этого предприятия в свете недавних обвинений знаменитого автора в сотрудничестве с чехословацкими спецслужбами. Кстати, ответ Иосифа Бродского на высказывание Кундеры продемонстрировал *avant la lettre*, что защита «имперской» ценности русской культурной матрицы не обязательно требует политического отождествления с российскими властями. Сложная культурно-политическая позиция Бродского в некоторой степени предшествовала позиции многих теперешних русских интеллектуалов Латвии. См.: Kundera 1984: 33-38; Kundera 2007: 28-35; Brodsky 1985: 31.

Вернемся к теоретическим рассуждениям, с которых я начал эту статью. Как мы видели, дебаты о характере русского режима в Латвии нельзя понять только как спор о легитимности советского вторжения в 1940 году. Они имеют огромное значение в выстраивании русской и латышской идентичностей. Для латышей главным здесь является вопрос о причастности к «общевропейской родине», а через нее и о причастности к самой современности: где находится настоящая Латвия — в волшебном кругу европейской истории, которая дает особое право на универсальные институты современной демократии, экономики и так далее, или вне его? Ответа на этот и ему подобные вопросы, конечно, нет. Важнее здесь осознать открытый характер вопроса по поводу региона, который был провинцией и в европейской истории, и в Российской империи, что делает его особенно подходящим местом, из которого можно было бы провести провинциализацию обеих сторон.

Как демонстрирует пример современной Латвии, границы европейской современности являются «пористыми». Исследование таких пограничных случаев, как Латвия, обнаруживает процесс скольжения то в сторону Запада, то в сторону Востока. Такое скольжение может вскрыть подвижность границы между «центрами современности» и ее модернизирующимися перифериями. В работах многих историков Россия выступает в роли проблематичного случая, который одновременно принадлежит и Западу, и Востоку, и современности, и традиционализму и таким образом демонстрирует хрупкость самих этих понятий. Однако, как объясняет Александр Эткин, подобный анализ чаще всего ведет к простому выводу, что Россия — просто «иное» место, где не действуют эти категории, то есть к восстановлению ориентализирующего, экзотизирующего взгляда на новом уровне [Эткин 2001]. Вместо этого я предлагаю перевести наш взгляд на один шаг в сторону Запада, чтобы понять, что российская проблематика не совсем уникальна. В Прибалтике мы находим похожую (хотя, конечно, своеобразную) ситуацию причастности и не причастности к глобальным категориям исторического развития.

Пример Латвии демонстрирует, как «европейскость» производится из разнородных вариантов истории, географии и темпоральности. Я предполагаю, что дальнейшие шаги на запад, в Польшу или в Германию, привели бы к сходным примерам. Ибо в действительности (которая здесь скрывается под идеологией) трудно найти чистую «европейскую» модерность. Подобно матрешке, идентичность европейских обществ зависит от бесконечной системы градаций между западным «центром» и восточной «периферией». При этом в центре матрешки ничего нет. В Париже или Лондоне вид на бывшие заокеанские колонии в Африке или Азии порождает мысль об очевидности и целостности европейской цивилизации. Но взгляд с востока, проходящий через бесконечные «буферные зоны», подрывает такую уверенность. Если универсальная история существует, то это история общего забвения всеми обществами Европы своей самоколонизации в процессе формирования национальных идентичностей. Это история забвения того, как крестьяне превращались во французов, шотландцы в британцев и совсем недавно — латыши в европейцев. Такие «запоздалые» процессы формирования национальных государств, как мы видим в Латвии, показывают общность российского и западно-европейского исторического опыта и применимость (в разные исторические периоды) понятия «внутренняя колонизация» на всей территории Европы. И в этом смысле вся Европа всегда была провинциальной.

Ватолин И. 2002. Барклай победил! И бюджет тоже приняли. — *Час* (Рига). 18 декабря. — Доступно: http://www.chas-daily.com/win/2002/12/18/l_019.html?r=9 — Проверено: 25.08.2011.

Ватолин И. 2003. Петру стоять. В Виестурдарзсе. — *Час* (Рига). 25 апреля. — Доступно: http://www.chas.lv/win/2003/04/25/g_072.html — Проверено: 18.08.2011.

Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. И. Федюкина. — М.: Новое литературное обозрение.

Гапоненко А. (ред.). 2010. *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры*. Рига. — Доступно: http://www.esinstitute.org/books/300_let_pamyatnikam.pdf — Проверено: 18.08.2011.

Мосс М. 1996. Очерк о даре. — Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. — М.: Восточная литература.

Тимофеев С. 2008. Читай по губам: Двухязычие как культурный вызов. — *Новое литературное обозрение*. — № 94. — С. 148-154.

Филатов В. 2001. Кто встал на пьедестал? — *Час* (Рига). 14 декабря. — Доступно: http://www.chas.lv/win/2001/12/14/g_027.html?r=12 — Проверено: 18.08.2011.

Фомин А. 2008. Какую историю будут знать наши дети? — *Балтийский мир*. — № 1. — С. 62-65.

Фуко М. 2002. Что такое Просвещение. — Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Статьи и интервью, 1970-1984: В 3 ч.* / Пер. с фр. С.Ч. Офергаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Ч. 1. — М.: Праксис. — С. 335-360.

Шунин А. 2001. Как Петра пытались «депортировать», да не вышло. — *Час* (Рига). 20 августа. Доступно: http://www.chas.lv/win/2001/08/20/l_21.html?r=32 — Проверено: 28.08.2011.

Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. — *Новое литературное обозрение*. — № 49. — С. 50-74.

Adams L. 2005. Modernity, Postcolonialism, and Theatrical Form in Uzbekistan. — *Slavic Review*. — Vol. 64. — № 2. — P. 333-354.

Bernier J. 2001. Nationalism in Transition: Nationalising Impulses and International Counterweights in Latvia and Estonia. — *Minority nationalism and the changing international order* / Ed. by Michael Keating and John McCiarrv. — Oxford: Oxford University Press. — P. 342-362.

Bloch E. 1977. Erbschaft dieser Zeit. — Bloch E. *Erweiterte Ausgabe* (=Gesamtausgabe in 16 Bdn.). — Bd. 4. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Brodsky J. 1985. Why Milan Kundera Is Wrong about Dostoyevsky. — *The New York Times Book Review*. — February 17.

Carey H., Raciborski R. 2004. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? — *East European Politics and Societies*. — Vol. 18. — № 2. — P. 191-235.

Chakrabarty D. 2008. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. — Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Chari S., Verdery K. 2009. Thinking Between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism and Ethnography after the Cold War. — *Comparative Studies in Society and History*. — Vol. 51. — № 1. — P. 6-34.

Chernetsky V. 2003. Postcolonialism, Russia and Ukraine. — *Ulbandus*. — № 7. — P. 32-62.

Fanon F. 1976. *Les damnés de la terre*. — Paris: Maspero.

Feldmanis I. 2011. Latvijas okupācija: vēsturiskie un starptautiski tiesiskie aspekti. — *Latvijas Republikas Arlietu ministrija*. — Доступно:

<http://www.mfa.gov.lv/lv/latvia/vesture/okupacijas-aspekti/> — Проверено: 18.08.2011.

[N.a.]. 2005. Gombergs piedava jaunu projektu. — *Diena* (Рига). 27 июня. — Доступно: <http://www.diena.lv/arhivs/gombergs-piedava-jaunu-projektu-12450947> — Проверено: 25.08.2011.

Grant B. 2009. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

- Guha R. 1997. *Dominance Without Hegemony: History and Power in Colonial India*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hagen M. von. 2004. Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era. — *American Historical Review*. — Vol. 109. — № 2. — P. 445-468.
- Karlstro M. 1996. Imagining Democracy: Political Culture and Democratisation in Buganda. — *Africa: Journal of the International African Institute*. — Vol. 66. — № 4. — P. 485-505.
- Kelesta V. (Ed.). 2006. *Baltic Postcolonialism*. — Amsterdam: Rodopi.
- Knavis R. 2003. Peteris 1 var kļūt par nakamas domes mantojumu. — *Diena* (Рига). 15 декабря. — Доступно: <http://www.diena.lv/arhivs/peteris-i-var-klut-par-nakamas-domes-mantojumu-11866658> — Проверено: 28.08.2011.
- Kronenfeld D. 2004. Ethnogenesis Without the Entrepreneurs: The Emergence of a Baltic Russian Identity in Latvia. — *Narva und die Ostseeregion* / Ed. by Karsten Brüggemann. — Narva, Estonia: Narva College Press. — P. 339-363.
- Kronenfeld D. 2005. The Effects of Interethnic Contact on Ethnic Identity: Evidence from Latvia. — *Post-Soviet Affairs*. — Vol. 21. № 3. — P. 247-277.
- Kundera M. 1984. The Tragedy of Central Europe. — *The New York Review of Books*. — Vol. 31. — № 7. April 26. — P. 33-38.
- Kundera M. 2007. Die Weltliteratur. — *The New Yorker*. — January 8. — P. 28-35.
- Kwame Anthony Appiah, Henry Louis Gates Jr. (Ed.). 2005. *Africana: The Encyclopedia of the African and African American Experience*. 2nd ed. 5 vols. — Oxford, New York: Oxford University Press, — Vol. 1.
- Laitin D. 1998. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Lazda P. 2008. Latvijas Okupācijas muzejs: kapec? kas? ka? — *Latvijas Okupācijas Muzejs: Latvija zem Padomju Savienības un nacionālsociālistiskās Vacijas varas 1940-1991*. — Riga: Latvijas Okupācijas Muzejs.
- Moore D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet: Toward a Global Postcolonial Critique. — *Publications of the Modern Language Association*. — Vol. 116. — № 1.
- Murphy K. 2004. His Former Kingdom for a Parking Spot. — *Los Angeles Times*. 13 июля. — Доступно: <http://articles.latimes.com/2004/jul/13/world/fg-peter13> — Проверено: 28.08.2011.
- [N.a.]. 2009. Papildināta — Zatlē: jāvienojas, ka vārds «okupants» vairs netiks lietots. — *Diena* (Рига). 7 декабря. — Доступно: <http://www.diena.lv/sabiedriba/politika/papildinata-zatlens-javienojas-ka-vards-okupants-vairs-netiks-lietots-702651> — Проверено: 23.08.2011.
- Otoiu A. 2003. An Exercise in Fictional Liminality: The Postcolonial, the Postcommunist, and Romania's Threshold Generation. — *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. — Vol. 23. — № 1-2. — P. 87-105.
- Popescu M. 2003. Translations: Lenin's Statues, Post-communism and Post-apartheid. — *The Yale Journal of Criticism*. — Vol. 16. — № 2. — P. 406-423.
- Renan E. 1947-1961. Qu'est-ce qu'une nation? — Renan E. *Oeuvres Complètes: 10 vols.* — Paris: Calmann-Levy. — Vol. 1.
- Said S. 1978. *Orientalism*. — New York: Random House.
- Spivak G. 1988. Can the Subaltern Speak? — *Marxism and the Interpretation of Culture* / Ed. by C. Nelson, L. Grossberg. — Urbana; Chicago: Illinois University Press. — P. 271-313.
- Spivak G. 2003. In Memoriam: Edward W. Said. — *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. — Vol. 23. — № 1-2. — P. 6-7, 111-128.
- Spivak G. 2004. Righting Wrongs. — *The South Atlantic Quarterly*. — Vol. 103. — № 2/3. — P. 523-581.

Spivak G., Condee N., Ram H., Chernetsky V. 2006. Conference Debates: Are We Postcolonial? Post-Soviet Space. — *Publications of the Modern Language Association*. — Vol. 121. — № 3. — P. 828-836.

Todorova M. 1997. *Imagining the Balkans*. — New York: Oxford University Press.